

МОЛОДАЯ ФИЛОЛОГИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2021-4-221-226

С. Ю. Чвертко¹

Институт филологии СО РАН

МИФОЛОГЕМА ВОДЫ В РАССКАЗАХ ГЕОРГИЯ ГРЕБЕНЩИКОВА «ВОДЯНОЙ» И «В БОРУ»²

В статье проанализирована мифологема воды в рассказах Георгия Гребенщикова «Водяной» и «В бору», рассмотрены ее символические значения и смыслообразующие функции. Многозначная символика воды раскрывается, с одной стороны, как аллюзия на стихийную неуправляемую силу русского народа; с другой – некое междумирье, где персонажи рассказов должны пройти инициацию. Но, вопреки закону волшебной сказки, страх мешает героям завершить испытание, и в финале они возвращаются к исходному состоянию, к началу своего пути.

Ключевые слова: мифологема, образ воды, Гребенщикова, сибирские писатели, сибирская литература, Сибирь.

S. Yu. Chvertko

*Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of
Sciences, Novosibirsk, Russian Federation*

THE MYTHOLOGEME OF WATER IN GEORGY GREBENSHCHIKOV'S STORIES «VODYANOI» AND «IN THE FOREST»

The article analyzes the mythologeme of water in the stories of Georgy Grebenshchikov – «Vodyanoi» (“water sprite”) and «In the forest»; it considers symbolic meanings and semantic functions of the mythologeme. The ambiguous symbolism of water is viewed, on the one hand, as an allusion to the spontaneous irrepensible power of the Russian people; on the other – as a special space, a kind of interworld, where the characters of the stories must undergo initiation. However, in defiance of the law of a fairy tale, fear prevents the heroes from completing the trial, and finally they return to their original state, to the beginning of their journey.

Keywords: mythologeme, image of water, Grebenshchikov, Siberian writers, Siberian literature, Siberia.

¹ Светлана Юрьевна Чвертко – младший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН, e-mail: sv.chvertko@yandex.ru

² Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1883–1964) – писатель, роль которого в художественном осмыслении Алтая и Сибири неопределима³.

Итоги этнографического путешествия по региону (1910–1911 гг.) в изучении Сибири и Алтая подведены в изданном им «Алтайском Альманахе» (1914), где Сибирь предстает как особое культурное пространство, не искаженное влиянием Запада. Сибирь, Алтай для писателя – сказочный регион, за которым стоит будущее России, и культурный миф.

Притчеобразность, архитипы, мифопоэтическое осмысление природы как наделенной божественными силами, а человека как слабого существа, не способного противостоять высшим силам, – все это транслирует видение мира, характерное для этносов, которые исследовал Гребенщиков в своем путешествии по Алтаю. Национальное сознание он противопоставляет сознанию городского человека, и авторский миф рождается в столкновении противоположных форм мышления.

Как указывает С. С. Аверинцев, «вода, одна из фундаментальных стихий мироздания. В самых различных мифологиях В. – первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса...» [Аверинцев, 1987, т. 1, с. 240]. В рассказах Гребенщикова «Водяной» и «В бору» вода предстает как часть космогонического мифа: живая и мертвая вода, способная отнять и подарить жизнь, опасная безудержная сила и источник, возле которого будут возводиться города, – все это делает воду одновременно притягательной и устрашающей.

Т. А. Полякова, утверждая, что «символизм Гребенщикова – важнейшая черта его мифопоэтики», отмечает специфику символики в авторском мифе Гребенщикова: «Но эта особая символика, главным свойством которой является диффузность, неотчетливость в разделении вещи и слова, существа и его имени, порою амбивалентна и даже внутренне противоречива. Писатель создает свой язык мифопоэтических символов» [Полякова, 2010, с. 153].

В рассказе «В бору» главный герой, подобно отшельнику, отгородившись от цивилизации, освободившись от всех забот, счастлив и спокоен в тайге. Природа, как что-то настоящее и не искаженное различными влияниями (в том числе западными), дарит ему мир и спокойствие. Наставник героя, чувствуя скорую смерть, готовится к переходу из одного мира в другой: он уезжает в тайгу, дальше от суеты, чтобы очистить разум и обрести переходное состояние между жизнью и смертью. Завершая свой путь, умирающий человек садится в лодку⁴: «*Точно убаюканный, он прилег на носу лодки на спину и, сложив на груди руки, устремил*

³ Георгий Гребенщиков – писатель, критик, журналист, общественный деятель, в 1920 г. эмигрировал в США. До развала СССР его творчество в России не изучали. В настоящее время существуют исследования О. К. Лесничева, Е. В. Мяснойкина, К. В. Анисимов, Б. А. Чмыхало, М. К. Азадовский, Г. Н. Потанин, Т. А. Полякова, А. Ю. Горбенко, Т. Н. Закаблуква и др.

⁴ Образ лодки, которая перевозит умершего, универсален. Он встречается и в древнегреческой мифологии (река Стикс), у скандинавов (похоронный обычай), в артуровском цикле (умирающий Артур отплывает на Авалон на лодке), в Древней Руси (поверженных деревянных идолов не сжигали, а бросали в Днепр).

открытые глаза в темнеющее небо. Я знал, как хорошо чувствовал себя в эти минуты Игнатий Матвеевич, и, не нарушая его покоя, долго, пока водная гладь не засияла звездами, катал его по озеру... Выходя из лодки, я заметил, что Игнатий Матвеевич спит. Я перешагнул через него и приподнял лодку, чтобы вытащить ее на берег. Игнатий Матвеевич как-то беспомощно сполз вниз и не шевелился» [Гребенщиков, 2019, с. 64]⁵.

В этом рассказе Гребенщиков создает мистический образ тайги. Тайга – некое междумирье, место инициации: *«Я помню, что и сам я чувствовал себя в этот вечер как-то необыкновенно. Точно молился, и радость молитвы заласкала меня до сладкой дремоты... Мне грелись какие-то сказочные миры, и сам я не чувствовал себя, будто я был бестелесным духом, плавающим над молчаливой водной глубиной...»* (с. 64). Путь по воде ассоциируется с погребальным обрядом, необходимым для успокоения мертвого, а жизнь в тайге – сорока дням, которые душа проводит, прощаясь с живыми. Не только тайга, но и вся Сибирь обретает трансцендентное значение, становится частью авторской мифологии.

Вода – не только символ междумирья, но и целительная среда, условный глоток «живой» воды, излечивающий ментальные страдания. Возвращаясь в город, к опостылевшей суете, которая терзает и мучает его, однако, оставляет в живых, герой знает, что, когда придет время проститься с жизнью, тайга поманит: *«...Я снова в городе. У меня опять блекнут щеки, и развиваются русые кудри. Газетная работа сушит меня и треплет мои нервы. Жизнь идет бестолково и нехотя. Среди тошной мелочной обывательщины иногда мне становится невыносимо, и тогда я мечтаю только об одном: уйти куда-нибудь в глухие леса и навсегда уснуть так же красиво, как уснул Игнатий Матвеевич...»* (с. 65). Вода в этом рассказе – обрядовый символ; она готовит умершего к переходу из мира живых в мир мертвых.

В рассказе «Водяной» подводное существо – следствие оптики, материализующей «мифологическое»: *«Так и казалось, что там, на дне, в мягкой колыбели зеленых мхов лежит сам Водяной, весь обросший земной сединой и жадно высматривает себе добычу, чтобы плотно завернуть ее в тяжелей и мокрый невод своего подводного царства»* (с. 74). Водяной, как вампир, не может проявить себя в материальном мире без приглашения.

Вода – не только символ движения и перемен, но и дремлющего хаоса, силы, неподвластной контролю. Напрашивается параллель между хаосом воды и народным бунтом, на это указывают Е. В. Капинос и И. Е. Лощилов в предисловии к сборнику «Сибирская гамсуньяна»: «Стихийность народного сознания – ключевая тема небольшого рассказа Гребенщикова “Водяной”, где “водяной” – не столько мифическое существо, сколько метафора народного духа, в котором природное, стихийное, страшного суеверие заглушает все остальные начала...»

⁵ Произведения Гребенщикова цитируются по: Уход в лес. Сибирская гамсуньяна: 1910–1920-е годы / Подг. текста, предисл. и примеч. Е.В. Капинос и И.Е. Лощилова. М.: Common Place, 2019. Далее при цитировании номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

[Капинос, Лоцилов, 2019, с. 18]. Столкновение с настоящей стихийной силой может, с одной стороны, подарить герою способности и знания, о которых он и не мечтал, а может уничтожить его, ведь «...в одно сухое лето толпа мужиков разгромила маслодельный завод и убила мастера, будучи убеждена в том, что дождевые тучи разгоняет машина» (с. 77).

Сила простых людей в стихийности; они, подобно богам хаоса и разрушения, уничтожают все на своем пути, однако большую часть времени их сила дремлет. Такую мощь они получили от близости с природой, которая, несмотря на свою красоту, безжалостно-равнодушна и опасна. Как и в рассказе «В бору», тайга дарит часть своей силы тем, кто живет рядом.

Начинается рассказ с описания мельницы, которая ассоциируется с живым существом: «Она напоминала старую колдунью, прячущуюся в темной зеленой рожице, и время от времени зорко кого-то высматривающую из-за деревьев своим черным кривым глазом, на который походило разбитое боковое окошко мельницы» (с. 68).

Мельница – персонаж недобрый: «Когда я подошел к ней, она как-то глухо ворчала, злобно жуя зерно пшеницы и фыркая лениво вертевшимся колесом... Точно всхлипывала, захлебываясь обильными слезами пруда, и верхним своим маленьким красным от солнца окошком неодобрительно косилась на пруд» (с. 68). Хотя и злой ее назвать нельзя; она напоминает ворчливую старуху, уставшую от жизни, бабу-ягу из сказки, которая может помочь герою, а может и съесть его. Она похожа на старого зверя – ворчит, фыркает, выжидает, глядя на человека: «Сторона ее, обращенная к пруду, теперь еще больше походила на человеческое лицо с одним глазом и плохо расчесанными на одну сторону желтыми волосами» (с. 69)⁶. Она предстает очередной аллюзией на отношения «человек – природа», а природа обретает амбивалентный смысл: может как подарить силу (жизнь), так и отнять ее. Кроме того, за сотни лет «общения» с человеком, она устала, но избежать этого союза не в состоянии.

Главный герой приезжает на пруд поохотиться, но замороженный красотой и умиротворенностью природы, застывает, будто зачарованный: «И так тих и неподвижен пруд, что даже голубое небо опрокинулось, и порозовевшие от заката тучки плыли по бездонной глубине его как воздушные корабли и одна другую нагоняя уходили куда-то под камыши, под пестрые и тяжелые берега» (с. 71). Именно в этот миг он попадает в междумирье, обретая особое зрение: замечает то, чего не видел раньше. Также как в предыдущем рассказе, городской человек получает от тайги подарок: только в первом случае исцеление, а во втором – магические способности.

⁶ Одноглазое существо – скандинавский верховный бог Один, променявший свой глаз на глоток из источника мудрости, а также Лихо из восточнославянской мифологии. В сказках Лихо имеет облик худой женщины без одного глаза, иногда – великанши, пожирающей людей, встреча с ней может привести к гибели человека.

Местные жители быстро замечают перемены и настороженно относятся к «колдуну». Они не понимают, почему он без дела стоит возле воды и так грустно смотрит вдаль: *«Охоться, так охоться, а над прудом неча ворожить! – и суеверно взглянув на пруд, он как-то боком зашагал от меня к избушке, где на жернове сидела сгорбленная фигура дедушки Мирона»* (с. 73). Несмотря на близость к природе, местные жители не одобряют колдовства, потому что знают, что не смогут совладать с пробудившейся силой.

В пруду герой видит силуэт Водяного, и тут разыгрывается его фантазия: *«Тяжелые плоты водорослей своими узорчатыми краями, грузно висевшие над глубиной, точно, расступившись, почтительно дали дорогу лодке и бросали от себя в темную глубину затейливые кружове теней... А среди этих колонн, прячась в темной тени водорослей, тихо колыхались целые гирлянды каких-то пушистых трав, точно зеленые космы какого-то огромного и молчаливо притаившегося на дне чудовища»* (с. 74). Колонны, тяжелые плоты, тени создают образ величественно, старого и могущественного существа. Колыхания и гирлянды придают ему динамику, оживляя существо в оптике героя.

Воображение героя оживляет все, к чему обращается, в том числе и не самых добрых персонажей. Как городской человек, который уничтожает природу, чтобы построить пыльные и шумные города, так и герой «оживляет» спящего водяного, погружаясь в глубину воды и в самого себя: *«Так и казалось, что там, на дне, в мягкой колыбели зеленых мхов лежит сам Водяной, весь обросший земной сединой и жадно высматривает себе добычу, чтобы плотно завернуть ее в тяжелый и мокрый невод своего подводного царства... И забыв про все, я наклонился к самой воде и, всматриваясь в глубину старого пруда, упивался фантастическими картинками наяву видимой сказки»* (с. 74). «Природное», «стихийное» в сознании городского жителя превращается в «сказочное»: он не понимает природу так, как живущие там люди. И даже причинив вред, он не может его осознать, поэтому спасается простым и привычным способом – бегством и отречением от всего: людей рядом, своих новообретенных способностей, даров природы и возможности прикоснуться к чуду.

Подобно герою волшебной сказки, герой Гребенщикова нарушает запрет, чтобы пройти инициацию, но, страшась за свою жизнь, отказывается от нее, уходя подальше от стихийной силы суеверных людей: *«А сам все сильнее бежал от пруда подгоняемый страхом. Не перед Водяным, в которого не верил, но перед чудовищным суеверием темных людей, в стихийное зверство которых я не мог не поверить...»* (с. 79). Здесь на фоне конфликта индустриального и сельскохозяйственного миров рождается миф о тайге и ее жителях, как о всеокрушающей стихийной силе. Столкновение разных по мировоззрению людей строится на суеверном страхе, как с одной, так и с другой стороны, основания для которого рождаются через мифополагание. Жители деревни создают миф о городском волшебнике, приносящем с собой беду, а человек из города боится стихийной силы народа, отражение которой находит в водяном, который спит на дне озера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев, С. С. Вода / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. – Москва, 1987. – С. 240.

Уход в лес. Сибирская гамсуниана: 1910–1920-е годы / Подг. текста, предисл. и примеч. Е. В. Капинос и И. Е. Лощилова. – Москва: Common Place, 2019. – 304 с.

Капинос Е. В. Сибирская гамсуниана / Е. В. Капинос, И. Е. Лошилов // Сибирская гамсуниана: 1910–1920-е годы. – Москва: Common Place, 2019. – С. 8–33.

Полякова, Т. А. «Хан-Алтай» Г. Д. Гребенщикова: мифопоэтика Эроса / Т. А. Полякова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2010. – № 1. – С. 152–155.

REFERENCES

Averincev, S. S. Voda / S. S. Averincev // Mify narodov mira: Enciklopediya: v 2 t. T. 1. – Moskva, 1987. – S.240.

Kapinos, E. V. Sibirskaya gamsuniana / E. V. Kapinos, I. E. Loshilov // Uhod v les. Sibirskaya gamsuniana: 1910–1920-e gody. – Moskva: Common Place, 2019. – S. 8–33.

Polyakova, T. A. «Han-Altaj» G. D. Grebenshchikova: mifopoetika Erosa / T. A. Polyakova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. – 2010. – № 1. – S. 152–155.

Uhod v les. Sibirskaya gamsuniana: 1910–1920-e gody / Podg. teksta, predisl. i primech. E. V. Kapinos i I. E. Loshchilova. – Moskva: Common Place, 2019. – 304 s.

ГИПОТЕЗЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2021-4-311-323

Е. А. Косых¹

Алтайский государственный педагогический университет

ДЕТСКИЙ ТЕКСТ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАТИВНЫХ РЕГИСТРОВ РЕЧИ

В статье исследуется детский текст с учетом интерперсональных особенностей коммуникации взрослого и ребёнка. В предпринятом описании приводится смена коммуникативных регистров, позволяющих установить изменение «речевого настроения» ребёнка, требующего вербального взаимодействия. Автор в рассмотрении объекта исследования опирается на классические работы Г. А. Золотовой, В. А. Жеребкова и их последователей. В статье осуществляется попытка вписать значимость исследования детской речи в проблемы, связанные с декодированием высказывания, с одной стороны, и междисциплинарные проблемы современной лингвистики, связанные, в частности, с формированием корпуса детских текстов, – с другой.

Ключевые слова: детский текст, диалог, коммуникативная ситуация, коммуникативный регистр, корпусная онтолингвистика, реплика.

E. A. Kosykh

Altai State Pedagogical University

CHILDREN'S TEXT IN THE SYSTEM OF COMMUNICATIVE SPEECH REGISTERS

The article examines children's text considering interpersonal features of adult-child communication. In the presented survey, a change in communicative registers is described, which makes it possible to establish a variation in the "speaking mood" of a child who demands for verbal interaction. In considering the object of research, the author relies on the classical works by G. A. Zolotova, V. A. Zherebkov and their followers.

The author attempts to inscribe the significance of studying children's speech into the issues of utterance decoding, on the one hand, and interdisciplinary aspects of modern linguistics, associated, in particular, with the creation of the corpus of children's texts, on the other.

Key words: children's text, dialogue, communicative situation, communicative register, corpus ontolinguistics, conversational turn.

Введение

Детское речевое устное высказывание в современной онтолингвистике понимается как текст. При этом общеизвестно, что речь ребенка до 4–6 лет – это в основном разговорная речь, формируемая на одном из важнейших процессов речевой деятельности – аудировании. Однако процесс обработки звука как

¹ Елена Анатольевна Косых – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул), эксперт по международной научной аналитике МАНВО (г. Лондон – Одесса, 2012–2016 гг.).

фонематического и акустического явления в онтолингвистике, как нам кажется, описан недостаточно. Почему, например, в речи ребёнка наблюдается гаплоглия, характерная для многих детей, но реализуемая, например, в речи одного ребёнка во всех словах, а в речи другого – лишь в некоторых? Уже давно убедительно доказано, что путь к овладению языком индивидуален. Но чем обусловлена эта индивидуальность? Как работает механизм восприятия звука и его обработки? Его рефлексия и воспроизводимость в речи ребёнка? Почему только в речи одного ребёнка встречается процесс известной когда-то дивергенции <*s> (см.: [Косых, 2002]), или появление носовых гласных в речи современного русскоязычного ребёнка, причём только в 2-х словах: [зл'ондоны] (зелёный), [бондон] (буду) [Владислав Б., 01.07–03.10]? Поскольку наша речь – это поток звуков, каков механизм обработки этих звуков каждым конкретным ребёнком? Есть ли закономерности в этом процессе и механизме? И множество других вопросов, поставленных онтолингвистами, психологами, нейрофизиологами и требующих исследований и ответов.

Современные проблемы изучения детской речи и перспективы межпредметных исследований

Описание детской речи в возрасте от 0 до 4-х лет отражает два процесса: со стороны ребёнка – имитация, со стороны взрослого – интерпретация. Причём и с той, и с другой стороны – субъективное превалирует над объективным. По нашему мнению, на современном этапе описание детской речи обусловлено способностью взрослого интерпретировать речь ребёнка, умением распознавать и правильно фиксировать тот или иной звук. Поскольку взрослые ориентируются на определённые звуки – часто единственно знакомого им естественного языка, то запись непрофессионала (да и большинства профессионалов) часто отражает не те звуки, которые произносит ребёнок, а те звуки, которые знает, слышит и может «сформулировать» или записать взрослый. Может ли быть звук эталонным? Такой вопрос возникает, например, при прочтении замечания-сноски О. Брока: «Губной согласный передь мягкимъ зубнымъ у Шахматова лично мягкий, по его же сообщению; транскрипція оставляет его твердымъ, вслѣдъ за обычнымъ московскимъ произношениемъ.» [Брокъ, 1910, с. 257]. В какой мере взрослый может дифференцировать звуковой поток, производимый ребёнком? Вероятно, степень членения речи взрослых у ребёнка первых лет жизни выше, чем у взрослого, поскольку ребёнок понимает обращённое к нему слово чаще, чем адресат, к которому обращается ребёнок. Общеизвестно, что регулярно это наблюдается в период детского лепета, а также во время становления речи ребёнка на уровне «языка нянь».

Для декодирования детского речевого произведения (возникшего высказывания, монолога или реплики в диалоге со взрослым) нужен новый уровень обработки такого звучащего текста. Необходимы междисциплинарные исследования звуковых предпочтений детей разных стран одного возрастного периода. Важным компонентом таких исследований должны стать устные и письменные (записанные родителями и написанные самим ребёнком) речевые произведения детей.

Известно, что онтолингвистами Санкт-Петербурга, Москвы накоплена серьёзная аудиотека, но имеются записи (в том числе и видео) и у региональных исследователей. Вероятно, настало время создания корпуса таких детских речевых произведений. Однако условия его создания должны быть особыми, отличными от традиционного «взрослого» корпуса языка. Например, на начальном этапе формирования корпус детской русской речи может включать пересказы русских народных сказок (вторичные тексты), а затем – диалоги различных коммуникативных ситуаций, самостоятельно созданные ребёнком тексты (первичные, первично-вторичные), в том числе и инициированные взрослым. Вариативность таких текстов невероятно разнообразна (см., например: Косых, 2020, Кошечева, 2012, Лепская, 1997, Митрофанова, 2016, Шиян, 2018 и др.). Важность распознавания текстов на сегодняшний день обозначена как проблема для искусственного интеллекта [Салимовский, 2021], но важна она и в диалоге «Взрослый – Ребенок», поскольку детский лепет до сих пор остаётся для многих шифровкой, не поддающейся полному декодированию.

Если это возможно искусственному интеллекту, у нас, как мы полагаем, есть шанс правильно распознать то, что содержит высказывание ребёнка периода от рождения до 4-х лет.

Вероятно, современные онтолингвистические исследования должны опираться на анализ аудиозаписей детской речи компьютером, способным сопоставлять звуковой «фон», сравнивать фонетический строй как одного ребёнка, так и детей одного поколения монолингвов, разных поколений монолингвов, разноязычных детей одного и нескольких поколений с тем, что слышат и представляют носители языка, взрослые. Корпус текстов онтолингвистики может быть сформирован из особых аудиозаписей, видео, рукописных материалов. Для формирования корпуса таких текстов нужны особые условия. Технические возможности сегодня позволяют собрать речевые высказывания (= тексты) одного ребёнка в разные возрастные периоды его речевого становления; детей одного возраста разных регионов РФ, би- и полилингвов; детей разных десятилетий одной страны, разных стран и разных эпох. Такие тексты успешно вписываются в исследование интеперсональных аспектов коммуникации, поскольку детская речь формируется в диалогическом или полилогическом единстве со взрослым или другим ребёнком.

Нам представляется интересным создание компьютерной программы обработки и различения звуков речи разных языков, ещё сохраняющихся на Земле, для того чтобы проанализировать, например, какие звуки реализуются в речи детей, какие воспроизводятся ими, не реализуясь в речи конкретного современного языка. Эта проблема может считаться частью той, которую поставил Вяч. Вс. Иванов в книге «Лингвистика третьего тысячелетия», говоря о необходимости сближения диахронических и синхронных исследований в лингвистике, междисциплинарных работ с биологами, физиками и о сохранения оставшихся на Земле языков: «... из разных насущных задач лингвистики самой неотложной представляется срочное описание всех тех тысяч исчезающих языков, гибель которых предполагается в самом близком будущем» [Иванов, 2004, с. 11].

Исследования в области акустических и фонематических возможностей ребёнка в сопоставительном аспекте, возможно, позволят приблизиться к разгадке тайны порождения текста или речевого высказывания вообще.

Коммуникативные регистры речи в детском тексте и принципы их выделения

Поскольку наша речь – это поток звуков, обработка этого потока ребёнком первых лет жизни самостоятельно приводит к разному членению им высказывания. Членение речи как акт коммуникативного взаимодействия ребёнка со взрослым или другим ребёнком важно в системе порождаемых текстов диалогического характера. Именно такие высказывания позволяют говорить о реализации коммуникативных регистров или типов речи, о чём писала Г. А. Золотова: «Создаваемые взаимодействием функционального и структурно-семантического планов, коммуникативные регистры реализуются в конкретных высказываниях, текстах, или их фрагментах, блоках» [Золотова, 1998, с. 402].

Описывая коммуникативные регистры как понятие о характере отображаемой в речи действительности в системе пространственно-временной дистанционности позиции говорящего и его способа восприятия (сенсорного или ментального) и интенции адресанта, авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» предлагают классификацию регистров [Золотова, 1998, с. 402–407]: 1) **репродуктивный** (изобразительный), важный для понимания детского лепета, поскольку включает понимание репродуктивной деятельности как воспроизведения при помощи средств языка (в нашем случае – звукокомплексов и слогов) «фрагментов, картин, событий действительности, воспринимаемых органами чувств говорящего и наблюдателя...», находящихся в одной пространственно-временной плоскости; 2) **информативный**, связанный с сообщением известной говорящему информации; 3) **генеративный**, совмещающий обобщение, осмысление информации и её проецирование на события, выходящие за рамки коммуникативной ситуации; 4) **волеизъявительный**, выражающий характер волеизъявления говорящего и побуждение к действию других участников коммуникации; 5) **реактивный**, отражающий реакцию говорящего на происходящее, саму коммуникативную ситуацию. По мнению авторов классификации, три первых функции, как правило, характеризуют монологическую речь, два последних возникают в диалоге [Золотова, 1998, с. 407–409].

В. А. Жеребков под регистрами понимал параметры речевой деятельности, т. е. непосредственной коммуникации и коммуникации опосредованной [Жеребков, 1985, с. 68]. По мнению исследователя, таких регистров может быть выделено два: ситуативный и тематический. Важной в такой дихотомии становится пространственно-временная позиция адресанта и адресата [Евстафиади, 2010, с. 26].

Анализируя различные основания для выделения коммуникативных регистров и подходы к их пониманию в истории лингвистики, О. В. Евстафиади

отмечает, что при непосредственной коммуникации (ситуативный регистр) участники диалога находятся «в одной временной и пространственной плоскости», и поэтому «могут» использовать невербальные средства общения» [Евстафиади, 2010, с. 27]. Такое понимание коммуникативного регистра позволяет репрезентировать детские монологи «декодировки повышенной сложности».

Предлагаемый нами текст по классификации В. А. Жеребкова вписывается в представление о ситуативном регистре, поскольку: 1) коммуникация протекает в одной пространственно-временной плоскости; 2) невербальный компонент общения активно используется ребёнком, как и вербальный.

Описание коммуникативных регистров детского текста было предпринято нами в монографии «Гьюдная бутва», или Лингвистика детского речевого произведения» [Косых, 2020] на примере первично-вторичных детских речевых произведений. В основу описания была положена классификация коммуникативных регистров Г. А. Золотовой, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидоровой, учитывающая монологическое и диалогическое построение детского высказывания [Золотова, 1998, с. 402]. Выявление типа или вида регистра осуществлялось на основе тема-рематической сетки и семантики речевого произведения, насколько это позволяло сделать фактический материал, вовлечённый в сферу монографического исследования.

Материалом для описания в предлагаемой статье послужила транскрипционная запись переложения видеофрагмента речи русскоязычного ребёнка в возрасте 1 года 6 месяцев 11 дней [01.06.11], выполненная взрослым – участником коммуникативной ситуации. Заглавие придумано взрослым, ведущим видеодневник наблюдений за речевым поведением ребёнка.

Предлагаемый «монолог в диалоге» ребёнка в возрасте 1 года 6 месяцев 11 дней – слабо декодируемое высказывание, соотносимое в онтолингвистике с понятием «детский лепет».

Описание детского речевого произведения в системе коммуникативных регистров позволяет воспринимать его как текстовый элемент коммуникативной ситуации, реализуемой в условиях вербального и невербального общения, характерных, по наблюдениям ученых, для детей исследуемого возраста.

Именно невербальное сопровождение (проксемика, кинесика и такесика) позволяют предположить то высказывание, которое порождается адресантом-ребёнком.

В соответствии с целью нашей статьи – представить описание коммуникативных регистров детского речевого произведения – анализ реплик взрослых, участников коммуникативной ситуации, не проводится. Этот факт обусловлен тем, что, по словам взрослого, записавшего речевое произведение ребенка, реплики взрослых адресант в основном игнорировал. Тактика игнорирования вопросов взрослых была характерна для реципиента Влада Б. до трёх лет 7 месяцев. Видеофрагмент, на основе которого была сделана транскрипция текста, даёт возможность наблюдать наложение отдельных реплик ребёнка

на реплики взрослых. Реплицирование как речевое действие можно условно соотносить с представлением о прерывании или наложении реплик реципиента на реплики взрослых. Однако «правила» ведения диалога в анализируемом фрагменте слабо выражены со стороны ребёнка. Реплики взрослых выступают как «оптимизация», активизация продолжения речевого события.

В анализируемой коммуникативной ситуации участвуют двое взрослых и один ребёнок². Коммуникативная ситуация складывается из «выступления» ребёнка, стоящего за столом, одетого в футболку с имитацией галстука и говорящего на протяжении 4-х минут без перерыва. Только в двух случаях реплики взрослых были произнесены в паузе между репликами ребёнка (реплики № 4 и № 6). Такой объём высказывания для ребёнка указанного возраста в форме монологической речи – достаточно серьёзное речевое событие, демонстрирующее определённый уровень сформированной коммуникативной компетенции. Транскрипция «охватывает» фрагмент монолога ребёнка продолжительностью 2 минуты 50 секунд.

Выявление коммуникативных регистров, традиционных для русской разговорной речи в целом, проводится на основе анализа вербальной текстовой составляющей в категориях коммуникативного синтаксиса. Важными принципами выделения или описания коммуникативных регистров детской речи наряду с традиционными текстовыми категориями является анализ а) невербальных и паравербальных компонентов общения, при помощи которых можно субъективно представить содержание детского высказывания, так как пантомимика и проксемика в диалоге «Взрослый – Ребенок» занимают одно из важных мест в период первых лет жизни ребенка; б) доступных для понимания и декодирования вербальных слов-предложений, характерных для детского лепета и сопровождающихся определенным интонационным рисунком; в) рематической доминанты, связанной с семантикой текста. Восприятие ее в детском речевом произведении является нередко гипотетическим, основанным на эмоциональном характере высказывания и интонационном рисунке диалога вообще и детского произведения – в частности.

«Пьеса «Митингующий с Приобья». Акт 1. Сцена 1.

– В1: Ну, продолжай!

– (1) Р. *улыбается, хлопает в ладоши*: [Дá!]

– В1, повторяя за ребёнком: Да.

–(2) Р: [с'йо мán'о].

– В2: Все нормально?

– (3) Р.: [йобтн'у: тагá: у] *смотрит вправо, на взрослого, сидящего рядом, затем поднимает глаза вверх, разводит руками, смотрит вперед, улыбается. На слог [га]как бы взвизгивает.*

² В связи с необходимостью описания изменений интонационного рисунка и смены регистров в речи ребёнка в транскрипции использованы знаки препинания в конце фраз (восклицательные знаки). Двоеточие в транскрипции показывает удлинённый гласный.

– В1: Ага, ну, говори, говори!

– (4) Р: [Дá! Дá! Даџ'гм / д'омогд'н'уá / гá! / ка! / гэн] переводит взгляд направо, водит рукой по столу, резко и уверенно кивает в завершении фразы, нетерпеливо подпрыгивает, наклоняется вперед.

– В1: Что, мама не слушается, да?

– (5) Р: [С'ам'!] подпрыгивает, дергается телом, опирается на стол одной рукой.

– В1: Сам? Что сам будешь делать?

– (6) Р: [гадá: / давóйгу / н'о: д'нойнап / ка! Да! Кадá! ка] смотрит вправо, изредка поглядывает вперед (на папу), водит руками по столу, наклоняется в сторону (к маме).

– В1: Ну, что-нибудь еще скажи! Все, кончился запас...

Р. ложится на стол, медленно поднимается: [Нáда!]

– В2, В1: Надо, надо! Что надо?

– (7) Р: [т'ун: эйтс'ойгн' / скандáу] держится пальчиками за стол, поочередно смотрит на маму и папу (вперед и направо).

– В1: Скандал?

– (8) Р: [кат'н'акхáтауа / хата(н)дá / да: да:] подпрыгивает, смотрит вправо, наклоняется в сторону на длинных гласных.

– В2: Дада...

– (9) Р: [Дадá!]

– В2: не папа? Деда?

– (10) Р: [кх: буам бат'ум бат'ум буд'эм] подпрыгивает, обводит взглядом комнату, наклоняется вперед.

– В2: Да: батя, батя.

– (11) Р: [гá! / кхут'икун'дáмн'] стоит прямо, смотрит вниз.

– В1: Сын, если бы ты пальцем показывал, было бы сильно проще!

– (12) Р: [Кá! Дá! / взхат'н'э(м) / ка! ба! / дхгнама: (взвизг)! / ннн: / да! / ка! Да! бу: / ухм / даџ (или: кан'т'хумб'уйэй / ка: нд'йамán'эйкам / ка!) Да! / эквойэн'куэ / хмг ма мáйгм / ка! Да! гм да!] стоит чуть наклонившись, опираясь руками на стол, смотрит в основном вправо, на взвизге резко дергает головой влево; в середине фразы поднимает руки на уровень груди, как бы приобнимает ими себя, медленно опускает руки, держится левой рукой за пальцы правой, смотрит вправо вниз; иногда дергается всем телом и подпрыгивает как бы нетерпеливо; завершая фразу, поднимает глаза вверх и медленно кивает, смотрит в сторону.

– В1: А кроме хорватского есть что-то у тебя в арсенале?

– Р: [Кака: Да: т'умб'да: / ка / кхан'д'эй] протягивает ручки к маме, но вытягивает их не полностью, подпрыгивает, протягивает руки по столу вправо, наклоняется, водит глазами в разные стороны.

– В1: Да? Seriously что ли?

– Р: [д'хай д'хай д'хай д'э / ка́да! / дабу́ с'бр'ум с'бр'у (звук «бр» – губной) / т'убат'м / катчма́: у! ка! Да́: да!] *Опирается на стол, поворачивается то вправо, то прямо, смотрит в основном вправо.*

– В1: дада! Папа, да? Папа? Я папа, да?» [01.07.11].

Запись транскрипции передаёт речь ребёнка неточно, поскольку, например, сочетания звуков [тч], [тс], [т'г] не всегда можно передать имеющимися в русском языке знаками, отдельные звуки ребёнок проговаривает еле слышно, в быстром потоке речи их не всегда возможно идентифицировать.

Ребёнок, как известно, включаясь в «текстовое» взаимодействие, коммуникацию сотрудничества и взаимодействия, диалог, решает те же задачи, что и взрослый при ретроспекции. Опираясь на описание ретроспекции, сформулированной авторами «Теории текста», можем предположить, что для ребёнка это целевые задачи по формированию текста или этапы обучения и научения: 1) восстановление ранее узнанного; 2) переосмысление в новом контексте; 3) актуализация отдельных частей текста [Земская, 2010, с. 101]. Важно, что в детском речевом произведении равнозначны все этапы, поскольку отработка навыков говорения, ежедневные вербальные и невербальные действия взрослого по отношению к ребёнку и с ним, сопровождаемые повторяющимся звукокомплексом, демонстрируют ребёнку, проецируют и формируют его речевое поведение, то есть поведение, характерное для социума в целом.

Влад Б. в возрасте 1 года 6 месяцев идентифицировал, обозначал самостоятельными лексемами «дада» (*nana*), «де» (*ded*) близких родственников; для именованья остальных предметов в основном употреблялось «ка», реже – «да». Наиболее частотным являлось слово «ма» (манана) – *банан*. Глагольная лексика представлена незначительно, чаще других употребляется «на» (*дай, возьми, надо*), «бр» (*пить, ехать*, иногда – *машина*). Первым из ритуальных слов было освоено [кака:] (*пока*). По данным записей взрослого, Влад Б. в указанном возрасте имел активный лексикон примерно из 150 слов. В возрасте полутора лет воспроизводил императивные формы глагола, демонстрирующие волеизъявительный регистр, который реализовывался в воображаемой ситуации дрессировки собаки и показателями которого можно считать лексемы «Иха! Сиди!» (*Тихо! Сидеть!*), произнесённые с особой интонацией.

Коммуникативные регистры в анализируемом детском монологе выявляются не только на основе вербального, слабо декодируемого компонента, но в большей степени – на основе невербальной и паравербальной составляющей.

Интонационный рисунок общего высказывания выступает как маркер того или иного содержания при отсутствии возможности восприятия тематической доминанты. В тех случаях, когда декодирование устного детского текста вызывает затруднение, именно интонационный рисунок в сопровождении невербальных компонентов общения помогает предположить общее смысловое содержание текста, порождаемого ребёнком.

При анализе монологического высказывания Влада Б. мы выделили доминантным репродуктивный регистр, поддерживаемый повторами, характерными для детского лепета в целом. В речи реципиента отмечаем повтор слов-словосочетаний «да», «ка», «га», «ма», «ха», «бу», «ху», звукокомплекса: «бат'а»; слов: ««дада», «када»; «ма», вероятно «мама», так как поза ребёнка обращена в сторону взрослого (мамы).

Смена регистров, отмеченная нами в первично-вторичных детских текстах [Косых, 2020], наблюдается и в речи Влада Б. Это не является исключительным фактом: для детей раннего возраста характерна реакция на смену тона, интонации. Эти паравербальные элементы коммуникации признаются онтолингвистами как основные на начальных этапах обучения речи. В некоторых исследованиях утверждается, что отдельные тексты, создаваемые детьми, сопоставимы с поэтическими [Митрофанова, 2016], поскольку повтор и синтаксический параллелизм – основные средства отработки навыков ретроспекции. Именно регулярное повторение «ранее изученного» и его включение в новую речевую структуру, новую коммуникативную «обстановку» помогают ребёнку в становлении человека говорящего, попытке самому включиться в диалог и получить ответную реплику-реакцию, в нашем случае – от взрослых. Однако слабое восприятие со стороны адресатов информации, транслируемой ребёнком, заставляет меняться не только интонацию высказывания (взвизгивает, говорит громче, делает паузы, когда поворачивается ко взрослому или повторяет: «Да!», «Ка!», «д'хай д'хай д'хай»!), увеличивает скорость речи), но и способствует смене репродуктивно-информативного блока регистров на волюнтаристический. Монологический характер речи меняется на диалогический.

Характеризуя текст Влада Б., отметим, что, по словам взрослого, нельзя однозначно сказать, требует ли что-то ребёнок или что-то рассказывает. Поскольку невербальные пантомимические компоненты различаются настроением (улыбается, поворачивается, сцепляет ручки, водит пальцем по столу, наклоняется – подпрыгивает, дергается всем телом, протягивает ручки, резко кивает и т.д.), а визуальные компоненты (смотрит на взрослого, вверх, направо и т.д., хмурится, водит глазами) свидетельствуют о желании общения ребёнка, то, с одной стороны, можно предположить сообщение ребёнка о чём-либо, с другой – требование чего-либо.

Доминантным компонентом в представляемом детском речевом произведении выступает тема, поскольку текст создаётся на основе мнемонической памяти. Рематическая составляющая текста связана с понятием предметной рематической доминанты, передающей, вероятно, констатацию и объектность окружающей действительности и репрезентируемой ребёнком. В качестве маркеров этой доминанты выступают звукокомплексы «ка», «да», «га». Рематическая доминанта в анализируемом тексте реализуется в текстовой категории информативного и реактивного коммуникативных регистров, примером последнего выступают невербальные и паравербальные компоненты, возможно, эмоционально произнесённые фразы: **«взхат'н'э(м) / ка! ба! / дхгнама: (взвизг)!»**

Анализируемый текст Влада Б. может быть соотнесён с представлением и о статальной доминанте, передающей в тексте определенное состояние. При этом имплицитность содержательной стороны текста не позволяет точно определить весь комплекс реализуемых отношений и коммуникативных регистров. Отчётливо можно сказать, что рематическая доминанта в основном формируется в рамках репродуктивного и связанного с ним волюнтаристического регистра, так как высказывание Влада Б. имеет, вероятно, элементы повествовательного характера речи, транслируемого именно на взрослого.

Выводы

Большинство детских текстов реализуется в системе полирегистровых структур, позволяющих адресанту представить важную для него информацию вербально и невербально, на основе семиотического пространства, вовлеченного в коммуникативную ситуацию. Исследуемый текст Влада Б. вписывается в полирегистровую систему разговорной речи, характерную в целом для русского диалога. Об этом прежде всего свидетельствуют повторы звукокомплексов, слов-слов, интонационный рисунок реплик реципиента.

Вовлеченный в сферу описания фактический материал «выступления» Влада Б. позволяет представить отрывок в системе репродуктивного и волюнтаристического регистров как основных. Подтверждением такому выводу служат, как уже отмечалось, регулярные повторы (ребенок репродуцирует звуки, слоги, слова, уже освоенные и получающиеся случайно, хотя и слышанные им), пытается привлечь внимание взрослых, требовательно жестикулирует, меняет интонацию. Информативный регистр речи оцениваем как возможный, поскольку ребенок мог иметь желание сообщить что-то адресатам. Предметность и действенность как основные в семантике детского текста обусловлены возрастом реципиента, пока не способного в полной мере представить вербально, на доступном для взрослых языке, информацию.

В монографии «Тьюдная бутва», или Лингвистика детского речевого произведения» мы отмечали: «В произведениях детей в возрасте от 1 года 7 месяцев до 4-х лет реализуется весь спектр коммуникативных регистров, звучащих как полифония детских умений и способности к порождению высказывания, которое может рассматриваться как текст – наивысшая единица языка и речи» [Косых, 2020, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43774455>]. Однако исследования и первичных текстов детей, например, возраста 1 года 6 месяцев свидетельствуют о способности маленьких носителей языка к порождению полирегистровых текстов, пусть пока и лишённых понимания со стороны адресата-взрослого. Такие случаи подтверждают назревшую необходимость междисциплинарных исследований современной звучащей речи.

Именно декодирование детской устной речи, в том числе и описанной в представленной статье, – одна из задач не только онтолингвистики, психоллингвистики, но и исследований, посвящённых диалогической лингвистике, интерперсональным аспектам речи (см., например, Филиппов, 2016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брокъ, О.** Очеркъ физиологии славянской рѣчи / О. Брок // Энциклопедія славянской филології / Под ред. орд. акад. И. В. Ягича. Вып. 5.2. – Санкт-Петербург, Изд. отд.-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1910. – [2], IV, 262 с.
- Гвоздев, А. Н.** Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – Москва: Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 470 с. – URL: <http://knigos.net/341-voprosy-izuchenija-detskoj-rechi-gvozdev-a-n.html> (25.10.2014)
- Евстафиади, О. В.** Коммуникативные регистры и виды речи / О. В. Евстафиади // Наука и современность. – № 5–3. – 2010. – С. 24–28.
- Жеребков, В. А.** Коммуникативная модель как комплексный метаязык / В. А. Жеребков // Вопросы языкознания. – 1985. – № 6. – С. 63–69.
- Земская, Ю. Н.** Теория текста: учеб. Пособие / Под ред. А. А. Чувакина / Ю. Н. Земская. – Москва, Флинта, 2010. – 132 с.
- Золотова, Г. А.** Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – Москва: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 524 с.
- Иванов, Вяч. Вс.** Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему / Вяч.Вс. Иванов. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
- Косых, Е. А.** Исторические процессы и их воспроизведение в речи детей при овладении родным языком: (на примере детей 1,5–7 лет) / Е. А. Косых // Диалог культур. 4: литературоведение, лингвистика: сборник материалов IV межвузовской конференции молодых ученых, май 2001 г. / Барнаульский государственный педагогический университет; [под ред. С. А. Манскова]. – Барнаул, 2002. – С. 25–29.
- Косых, Е. А.** «Тьюдная бутва», или Лингвистика детского речевого произведения: монография / Е. А. Косых; науч. ред. авт. предисл. И. Ю. Колесов. – Барнаул: АлтГПУ, 2020. Текст визуальный (электронный). – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43774455>. (15.09.2021).
- Кошечева, О. В.** Речезанровый аспект становления коммуникативной компетенции в онтогенезе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Кошечева. – Саратов, 2012. – 19 с.
- Лепская, Н. И.** Язык ребёнка: (онтогенез речевой коммуникации) / Н. И. Лепская. – Москва, 1997. – 151 с.
- Митрофанова, О. В.** Текстобразование детской речи в современном русском языке: специальность 10.02.01 «Русский язык»: дис. ... канд. филол. наук / О. В. Митрофанова. – Тамбов, 2016. – 235 с.
- Салимовский, В. А.** Исследование речевых жанров в задачах по искусственному интеллекту (идентификация познавательных-речевых действий, образующих жанровую форму) / В. А. Салимовский, Д. А. Девяткин, Л. А. Каджая, В. А. Мишланов, Н. В. Чудова // Жанры речи. – 2021. – № 3 (31). – С. 170–180. – URL: <https://zhanry-rechi.sgu.ru/ru/articles/issledovanie-rechevyh-zhanrov-v-zadachah-po-iskusstvennomu-intellektu-identifikaciya> (20.09.2021).

Филиппов, К. А. Лингвистика текста и современный анализ устной речи: учебное пособие / К. А. Филиппов. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2016. – 227 с.

Шиян, О. А. Детские нарративы как возможный ресурс развития диалектического мышления старших дошкольников / О. А. Шиян // Современное дошкольное образование. – 2018. – № 6. – С. 11–27.

REFERENCES

Brok, O. Oчерk fiziologii slavyanskoj rѣchi / O. Brok. // E`nciklopediya slavyanskoj filologii / Pod red. ord. akad. I. V. Yagicha. Vyp. 5.2. – Sankt-Peterburg, Izd. ot-d-niya rus. yaz. i slovesnosti Imp. Akad. nauk, 1910. – [2], IV, 262 s.

Evstafiadi, O. V. Kommunikativnye registry i vidy rechi / O. V. Evstafiadi // Nauka i sovremennost. – 2010. – № 5–3. – S. 24–28.

Filippov, K. A. Lingvistika teksta i sovremenny`j analiz ustnoj rechi: uchebnoe posobie / K. A. Fillippov. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. – 227 s.

Gvozdev, A. N. Voprosy izucheniya detskoj rechi. – Moskva: Izd-vo APN RSFSR, 1961. – 470 s. – URL: <http://knigos.net/341-voprosy-izucheniya-detskoj-rechi-gvozdev-a-n.html>. (25.10.2014)

Ivanov, Vyach. Vs. Lingvistika tretego tysyacheletiya: Voprosy k budushhemu / Vyach.Vs. Ivanov. – Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. – 208 s.

Kosykh, E. A. Istoricheskie processy` i ix vosproizvedenie v rechi detej pri ovladenii rodnym yazykom: (na primere detej 1,5–7 let) / E. A. Kosykh // Dialog kultur. 4: literaturovedenie, lingvistika: sbornik materialov IV mezhvuzovskoj konferencii molodych uchenykh, maj 2001 g. / Barnaulskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet; [pod red. S. A. Manskova]. – Barnaul, 2002. – S. 25–29.

Koskh, E. A. «Тjudnaya butva», ili Lingvistika detskogo rechevogo proizvedeniya: monografiya / E. A. Kosykh; nauch. red. avt. predisl. I. Yu. Kolesov. – Barnaul: AltGPU, 2020. Tekst vizualnyj (elektronnyj). – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43774455>. (14/09/2021).

Koshheeva, O. V. Rechezhanrov`j aspekt stanovleniya kommunikativnoj kompetencii v ontogeneze: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / O. V. Koshheeva. – Saratov, SGU, 2012. – 19 s.

Lepskaya, N. I. Yazyk rebyonka: (ontogenez rechevoj kommunikacii) / N. I. Lepskaya. – Moskva, 1997. – 151 s.

Mitrofanova, O. V. Tekstoobrazovanie detskoj rechi v sovremennom rusском yazy`ke: specialnost 10.02.01 «Russkij yazyk»: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk / Mitrofanova Olga Viktorovna. – Tambov, 2016. – 235 s.

Salimovskij, V.A. Issledovanie rechevy`x zhanrov v zadachah po iskusstvennomu intellektu (identifikaciya poznavatel`no-rechevy`x dejstvij, obrazuyushhix zhanrovuyu formu) /V.A. Salimovskij, D.A. Devyatkin, L.A. Kadzhaya, V.A. Mishlanov, N.V. Chudova// Zhanry` rechi. – 2021. – № 3 (31). – S. 170–180. – URL: <https://zhanry-rechi.sgu.ru/ru/articles/issledovanie-rechevyh-zhanrov-v-zadachah-po-iskusstvennomu-intellektu-identifikaciya> (data obrashheniya 20.09.2021).

Shiyan, O.A. Detskie narrativy kak vozmozhnyj resurs razvitiya dialekticheskogo myshleniya starshix doshkolnikov / O.A. Shiyan // Sovremennoe doshkolnoe obrazovanie. – 2018. – № 6. – S. 11–27.

Zherebkov, V.A. Kommunikativnaya model kak kompleksnyj metaznak / V.A. Zherebkov // Voprosy yazykoznaniya. –1985. – № 6. – S. 63–69.

Zemskaya, Yu.N. Teoriya teksta: ucheb. posobie. Pod red. A.A. Chuvakina / Yu. N. Zemskaya. – Moskva, Flinta, 2010. – 132 s.

Zolotova, G.A. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka / G.A. Zolotova, N.K. Onipenko, M. Yu. Sidorova; Ros. akad. nauk. In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova, Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova. Filol. fak. – Moskva: Filol. fak. MGU im. M.V. Lomonosova, 1998. – 524 s.